

1.

На краю леса, недалеко от реки, посреди высокого кустарника у кузнечика был магазин.

На витрине большими буквами было написано:

*ПРОДАЁТСЯ ВСЁ
(КРОМЕ СОЛНЦА, ЛУНЫ И ЗВЁЗД)*

И кроме солнца, луны и звёзд кузнечик продавал у себя в магазине абсолютно всё: стулья, столы, кровати, шкафы, шапки, куртки, ботинки, лестницы, грабли, торты, ручки, старые письма, чай, деревянные усики, иголки, чешую, рога из бумаги, фонарики, песок, мох, чашки, тарелки, ложки, метёлки, щётки, мотыги и ещё очень много всего.

Часто звери с самого раннего утра выстраивались в очередь и ждали, когда откроется магазин.

Ёжик искал пару новых иголок, бегемот хотел купить новое кресло, медведь — торт, в котором должно быть много взбитых сливок и ещё больше мёда, слон — раздвижную лестницу, термит — серый плащ, лягушонок — громкоговоритель, чтобы его кваканье было слышно даже посреди пустыни, улитка — окошко для домика, чтобы всегда видеть, кто к ней пришёл, лев — пару тёплых носков, сверчок — что-нибудь уютное, жук — чёрную краску, а белка — лампу, чтобы слону было на чём покачаться, когда он заходил к ней в гости.

Всё это кузнечик продавал. А если кто-то из зверей спрашивал про оплату, хотя никто точно не знал, что это такое, то кузнечик отвечал: «Я занимаюсь чем угодно, но только не оплатой».

Он открывал магазин рано утром, и каждый день старался открыть его чуточку раньше, чтобы зверям не нужно было подолгу ждать.

Но каждое утро звери вставали в очередь тоже чуточку раньше. Часто они выходили из дома ещё вечером, чтобы утром оказаться у магазина первыми.

Те звери, которые не могли прийти в магазин сами, потому что жили под землёй, слишком далеко или в море, или не могли передвигаться (как, например, мидия), присылали кузнечнику письма со списками покупок.

И кузнечик доставлял им всё, что они просили.

Он мчался ко всем и ни в коем случае не хотел никого разочаровать.

Разочаровать кого-то... — это казалось ему совершенно ужасным.

2.

Кузнечик жил в комнате за магазином, где у него были стол, стул, кровать и колокольчик, который звонил каждый раз ночью или вечером, когда магазин был закрыт, но кому-то из зверей непременно нужно было что-то купить, а ждать до утра он никак не мог.

Кузнечик никогда из-за этого не сердился.

Он быстро нырял в свой зелёный халат продавца, выходил в магазин, открывал дверь и спрашивал, чем он может быть полезен покупателю.

И даже если покупатель приходил за расчёской, свистком, сушёным буковым орешком или булавкой, кузнечик всегда потирал ладошки, кивал и говорил: «Минутку, я сейчас это принесу».

Довольный покупатель уходил домой с расчёской, свистком, сушёным буковым орешком или булавкой, а кузне-

чик забирался в постель и спал, пока не всходило солнце и у двери магазина не появлялись первые покупатели, или пока снова не звонил колокольчик и кому-то именно этой ночью не требовался вдруг шкаф с зеркальными дверцами, двенадцатью полками, четырьмя выдвижными ящиками, медными шарнирами и встроенной лесенкой, чтобы доставать до самой верхней полки, и тогда кузнечик кивал и говорил: «Минутку, я принесу такой шкаф», а чуть позже он уже придерживал дверь для покупателя, который покидал магазин со шкафом на спине и растворялся в темноте ночи.

Над кроватью у кузнечика висела табличка, на которой было написано: «Я всегда счастлив». Он подобрал её где-то очень далеко в степи.

«Наверняка её выкинул кто-то, кто перестал быть счастливым», — решил он, забрал табличку с собой и дома повесил на стену.

Вечером, перед тем как лечь спать, он перечитывал надпись на табличке и думал: «Так и есть, я всегда счастлив».

Он надеялся, что ему никогда не придётся выбрасывать эту табличку. Но даже если бы это когда-нибудь и случилось, он приписал бы слово «был» между «всегда» и «счастлив», подписал бы своё имя и спрятал бы табличку подальше, где её никто не смог бы найти.

После этого кузнечик ложился в постель, закрывал глаза, и ему было ужасно интересно, кто же позвонит к нему этой ночью и зачем.

3.

Однажды в магазин за новыми носками зашла гусеница. Она спросила кузнечика, какие пойдут ей больше всего.

— Хороший вопрос, гусеница, — задумался кузнечик. — А ты сама как думаешь?

— Красные, — сказала гусеница.

— Я тоже так считаю, — кивнул кузнечик, — красные носки.

Он выдвинул один из ящиков и достал несколько десятков красных носков.

Гусеница внимательно осмотрела носки, нахмурилась и сказала:

— Нет, я думаю, всё-таки синие, но чтобы с полоской, такой, знаешь, белой, и чтобы была зигзагом.

— Ты совершенно права, гусеница, — сказал кузнечик.

Он потёр ладошки и принёс ей столько синих носков с белой полоской зигзагом, чтобы гусеница смогла надеть по одному на каждую ногу и ещё остались бы запасные на случай, если она зацепится где-нибудь за шип или колючку и какой-нибудь из носков вдруг порвётся.

— Да, они мне идут, — задумчиво сказала гусеница, — но я всё-таки думаю, что хочу жёлтые, да, длинные жёлтые носки.

— Длинные жёлтые... — повторил кузнечик и покачал головой. — Ну конечно! — И открыл новый ящик, из которого вылетели сотни жёлтых носков.

Их было так много, что и кузнечик, и гусеница оказались под завалом из носков.

— А размера поменьше у тебя нет? — спросила гусеница, когда ей удалось натянуть с десятка жёлтых носков.

— Разумеется, есть, — ответил кузнечик, высунув из носочной горы голову и усики.

Чуть позже они уже даже не могли видеть друг друга. Но могли перекрикиваться.

— Светло-серые! Розовые! Фиолетовые! — кричала гусеница.

«Ах да!» и «Это должны быть они!», и «Совершенно с тобой согласен, гусеница!» — кричал ей в ответ кузнечик.

В конце концов огромная гора носков, которые всё доставал и доставал кузнечик, распахнула дверь магазина.

Уже под вечер гусеница отправилась домой с одним единственным зелёным носком, который она хотела спокойно примерить дома, и подумать, потому что ей показалось, что в зелёном цвете что-то есть.

Кузнечик тоже считал, что в зелёном цвете определённо что-то есть, и сказал, что гусеница может обменять носок, когда захочет. Или просто оставить себе в подарок.

Когда гусеница ушла, кузнечик остался сидеть на горе носков и потирал усики.

«До чего же это прекрасно, — думал он, — когда у тебя в магазине есть всё, что нужно».

4.

Черепаха постояла перед магазином кузнечика, открыла дверь, перешагнула через порог, но потом тут же отступила назад и закрыла дверь.

Она осталась стоять снаружи, на траве перед дверью, и переминалась с ноги на ногу.

Кузнечик увидел её и вышел из магазина.

— Привет, черепаха, — сказал он.

— Привет, кузнечик.

— Тебе что-нибудь нужно? Что-то особенное?

— Ну да, — призналась черепаха. — Может, это, конечно, очень странно, но я ищу стул.

— Стул? — переспросил кузнечик. — У меня в продаже есть несколько сотен стульев.

— Вообще-то, это не совсем для меня. Я хочу поставить его сверху на панцирь. Думаешь, это странно?

— Нет, — ответил кузнечик, которому почти никогда и ничего не казалось странным.

— Просто у меня такая теснота под панцирем... И если кто-то заходит в гости, то там совсем нет места. А если бы

у меня на панцире был стул, то гость мог бы на нём посидеть, а я бы оставалась у себя под панцирем. Что скажешь?

Но кузнечик уже умчался в магазин и вернулся с огромным мягким креслом, которое поставил черепахе на панцирь.

— Это кресло, — сообщил он.

— Настоящее кресло? — перепросила черепаха хриплым голосом. Это было именно то, что она искала.

— Настоящее кресло, — подтвердил кузнечик.

— Спасибо тебе, спасибо! — обрадовалась черепаха, развернулась и с креслом на спине направилась в сторону леса.

На следующее утро к ней в гости пришёл бегемот.

Черепаха заварила чай и испекла торт, а бегемот разбежался, запрыгнул к ней на панцирь и уселся в кресло.

— Хе-хе, — сказал он и с довольным видом развалился в кресле.

Потом они пили чай и ели торт.

— Давай о чём-нибудь поговорим? — предложила черепаха, когда услышала, что бегемот облизнул губы и поставил чашку.

— Нет, — ответил бегемот, закрыл глаза и заснул.

Черепаха не шевелилась, потому что боялась, что кресло может сползти у неё с панциря. Через некоторое время она спросила:

— До чего же нам хорошо, бегемот. Ты не находишь?

И где-то вдалеке услышала тихий храп.

5.

Однажды утром медведь захотел купить у кузнечика сто тортов и съесть их все до одного ещё до обеда.

— Я никогда ещё такого не делал, кузнечик, — объяснил он.

Кузнечик стоял за прилавком и смотрел на него с задумчивым видом.

— По мне, так и один торт — это ужасно вкусно. А представляешь, как будет вкусно, если их у меня будет целых сто, — продолжал медведь.

Кузнечик кивнул, ещё немного подумал и ушёл в подсобку.

Медведь остался на месте и зажмурил глаза. Он представил себе, как вокруг него появится сотня тортов, и все их надо будет немедленно съесть.

Торты надвигались на него, сжимая кольцо.

«Сначала меня!», «Съешь меня первым!», «Нет, меня, меня!», — кричали они. Они толкались, перекатывались друг через друга, мялись и слипались, пока не превратились в один гигантский торт, намного выше самого медведя, и медведь должен был съесть его за одно утро. «И ни секундой позже!» — раздалось откуда-то изнутри могучего торта, а два приторно-сладких сливочных глаза злобно сверкнули.

Медведь начал быстро заталкивать в рот куски, пока часы громко тикали, и стрелки уже приближались к двенадцати часам, когда утро должно было закончиться.

— Ты не успеешь! Ты не успеешь! — верещал торт, который становился всё меньше, но всё равно оставался огромным.

— Ой, — простонал медведь. — А ведь вкусно — это не так-то просто...

— Не ной! Жуй! — рявкнул торт.

И тут медведь открыл глаза.

Напротив, по ту сторону прилавка стоял кузнечик и смотрел на него очень серьёзным взглядом.

— У меня есть для тебя только один очень красивый маленький торт, медведь, — сказал он. — Сто тортов я не продаю.

А потом покачал головой и добавил:

— А ещё я не продаю дурноту и тошноту.

— Это очень хорошо, — тихо сказал медведь.

На лбу у него выступили капельки пота.

Он купил маленький торт и ни слова не говоря вышел из магазина.

На улице он мгновенно слопал его целиком и пробурчал: «Вкусно».

А потом отправился в лес.

Было начало лета и ещё совсем раннее утро.

6.

— А продаёшь ли ты золотые шляпы? — спросила однажды утром у кузнечика жаба.

— Да, — кивнул кузнечик.

— А золотые вымпелы с серебряными лентами?

— Да.

— А длинные чёрные камзолы с золотыми пуговицами и медными воротниками?

— Да.

— А золотые туфли без задника с серебряными шнурками и оловянными каблуками?

— Да.

— А маленькие дворцы на одну персону с зеркалами в золотых рамах на стенах, с серебряными дверными ручками и кроватями из берёзовой листвы и бронзы?

— Да.

Жаба помолчала и буркнула:

— Тогда я больше ничего не знаю.

Кузнечик пожал плечами и сказал:

— Я продаю всё.

Жаба выпучила глаза и переспросила:

— Всё-всё?

— Всё, — подтвердил кузнечик, — кроме солнца, луны и звёзд.

Жаба немного подумала и сказала:

— Что, ни одной звёздочки?

— Нет.

— Ну хоть маленькую звёздочку.

— Нет.

— Очень-очень маленькую, совсем не яркую звёздочку?

— Нет.

— Хотя бы самую-самую малюсенькую, совсем не важную, на которую никто вообще не обращает внимания, и никто даже не заметит, если она ночью исчезнет с неба?

— Нет.

Жаба снова задумалась, потёрла щёку, почесала в затылке и издала звук, похожий на «Хм». Потом попрощалась с кузнечиком и направилась к выходу.

Но уже в дверях она остановилась, обернулась и сказала:

— Вот и хорошо.

А потом вышла на улицу, перешла через полянку и исчезла за деревьями.

7.

В магазин кузнечика заполз паук. Вид у него был потерянный. Он рассказал, что весь день, не покладая ног, плёл новую паутину между клёном и липой, но в тот момент, когда она была уже почти готова, порыв ветра её разорвал.

— Как же я их ненавижу, эти порывы ветра, кузнечик, — вздохнул он.

— Да, — кивнул кузнечик.

— Нет больше моих сил плести, — жаловался паук. — Завязал я с паутинами. Какой-то порыв ветра... Да чего им всем от меня надо?

Кузнечик молчал.